

Н. Февр

Солнце восходит на Западе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н. Февр
Н11 Солнце восходит на Западе / Н. Февр – М.: Книга по Требованию, 2013. – 286 с.

ISBN 978-5-458-55812-9

Книга Николая Февра «Солнце восходит на западе», предлагаемая вашему вниманию, интересна, прежде всего, тем, что она является живым человеческим документом, рассчитанным, в первую очередь, на русского читателя. Николай Февр является представителем тех многочисленных русских людей, которые в начале германо-советского столкновения искренне поверили в объявленный официальной Германией «крестовый поход против большевизма» и пожелали, в том или ином виде, принять участие в этой борьбе. Позднее, разочаровавшись в своих надеждах, эти люди отошли от участия в событиях, с тем чтобы снова принять в них участие в трагические дни власовской эпопеи. Книга Николая Февра представляет интерес не только как исторический материал, вышедший из под пера единственного русского журналиста - эмигранта, побывавшего на родной земле после двадцатилетнего отсутствия.

ISBN 978-5-458-55812-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I

....Двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года. Утро. Город Белград. Я сижу в своей комнате. Из окна я вижу часть главной улицы югославской столицы и солдат германской оккупационной армии, гуляющих по ней. Радио, поставленное на берлинскую волну, гремит бравурными маршами. В промежутках между ними, голос диктора и граммофонные диски, с записанными на них речами вождей национал-социалистической Германии, еще и еще раз, возвещают миру ошеломляющую весть: -война Германии против Советского Союза.... Война!....

....Девятое мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Вечер. Маленькая деревушка в Верхней Австрии. Я сижу на балкончике крестьянского домика. Внизу, по дымящейся пылью ленте дороги, ползут металлические гусеницы передовых частей американской оккупационной армии. Радио, поставленное на московскую волну, глухо рокочет от орудийных салютов, которыми Москва отмечает сегодняшний день. Голос диктора, читающего приказы по красной армии, возвещает миру, никого уже не удивляющую весть о безоговорочной капитуляции Германии.... Капитуляция....

Между этими двумя событиями лежит три года, десять месяцев и две недели. Лежит тысяча четыреста семнадцать дней. Тысяча четыреста семнадцать дней,

до того наполненных кровью и слезами, надеждами и разочарованиями, героизмом и подлостью, насилием и подвигом, что в другое время всего этого хватило бы на сто лет.

В моей жизни — жизни журналиста, эти тысяча четыреста семнадцать дней, оказались наполненными таким количеством покрытых километров, неизгладимых впечатлений и незабываемых встреч, что в иных условиях, этого хватило бы на десяток доброкачественных журналистов мирного времени.

Этому страшному отрезку, в истории наших дней, будет впоследствии посвящено много печатных томов. Военные специалисты подробно разберут ход гигантских военных операций, невиданных еще в истории ратного дела. Политики, по примеру прошлой войны, в своих мемуарах познакомят читателей с закулисной стороной ныне отгремевших дней. Писатели, на кровавой канве этих сумрачных лет, создадут увлекательные и захватывающие романы.

А потом, значительно позже, историки, как пчелы, перелетающие с одного цветка на другой, будут с головой уходить в эти печатные труды, для того чтобы выбрать из них самое ценное и перенести его на кончике своего пера в драгоценные соты истории. Не той истории, которая писалась в Германии национал-социалистами и не той, которая пишется теперь в Советском Союзе большевиками, а той далекой беспристрастной истории, которая будет написана тогда, когда и само представление о большевизме и национал-социализме начнет стираться в недоуменном мозгу более счастливых поколений.

Если хоть одна тысячная доля, из предлагаемых мною вниманию читателей записей, осветит хоть на секунду удовлетворенной улыбкой лицо одного из историков будущего, то это будет достаточным удовлетворением для автора. А это может случиться только в том случае, если раскрывши пожелтевшие страницы этих записей историк почувствует в них то, что всегда было и будет самым ценным в подобного рода литературных документах. А именно: — п р а в д у .

К ней я и буду стремиться от первой и до последней страницы моих записей, кстати, сделанных не потом, а целиком набросанных еще в ходе событий, о которых идет речь на этих страницах.

С этой задачей мне больше всего поможет справиться то обстоятельство, что в начале гигантского столкновения на востоке Европы у меня не было нарочито предвзятого отношения, ни к большевизму, ни к национал-социализму, ибо оба они были тогда чужды и далеки для меня, выросшего и вне России, и вне Германии, под сенью демократического дерева, раскинувшего свои ветви над версальской Европой. А в ходе этого столкновения, когда я вблизи познакомился и с одним, и с другим, я одинаково искренне пожелал, чтобы в вихре наступивших событий нашли свою могилу и большевизм, и национал-социализм, обе политические системы не достойные, ни истории цивилизованного человечества, ни имени Человека вообще.

Теперь, когда отзвучали первые громы, далеко еще не закончившейся мировой грозы, национал-социализма больше нет. Но его старший единокровный брат — большевизм продолжает существовать. Продолжает существовать и угрожать существованию и тех немногих идеалов, которыми еще дышит человечество и которые оно с таким трудом, на протяжении тысячелетий, отвоевывало от царства невежества и мрака.

Если на страницах моих записей большевизму будет уделено значительно больше места, чем национал-социализму, то, с одной стороны, это явится следствием именно того, что национал-социализм уже мертв и желающих вбить лишний гвоздь в гроб покойника найдется, вероятно, значительно больше, чем тех, кто попытается еще раз поднять свой голос против благополучно здравствующего большевизма, собирающегося прикрыть гробовой крышкой весь цивилизованный мир.

С другой же стороны вполне понятно, что большевизм для меня, как русского, является темой гораздо более животрепещущей, нежели германский национал-социализм. Это же относится и к тому русскому чита-

телю, для которого я в первую очередь и пишу свои записи.

Я делаю это не только, как единственный русский журналист из Европы, которому удалось во время войны объехать значительную часть Европейской России и наблюдения, которого могут, таким образом, представлять несомненный интерес, но и как убежденный, до последнего моего дня, враг большевистской системы, которым я сделался не в будничной скуке эмигрантских дней, а в долгих странствованиях по просторам обезображенной большевизмом, родной земли.

Пока будет существовать большевизм, будут существовать и его враги. И чем дольше будет существовать он, тем больше настоящих и упорных врагов будет выковано в борьбе с ним.

Памяти борцов против большевизма, отдавших в этой борьбе свою жизнь, участникам нынешней и будущей борьбы с этим безжалостным врагом Правды, Добра и Красоты, пусть будут посвящены страницы моих записей.

II

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ. МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ ЭМИГРАЦИИ. ПРОЩАЙ БЕЛГРАД.....

Резкий толчек поезда отрывает меня не только от вокзального перона, но и от годами налаженной и устоявшейся жизни. Медленно проплывают мимо обгоревшие скелеты белградского вокзала. Поезд со скрипом вползает на только что починенный, после подрыва, мост через реку Саву и осторожно добирается до другого берега. Из окна вагона я вижу так хорошо знакомую мне серожелтую полосу реки, которая сегодня легла резкой гранью не только между мной и городом, оставшимся по ту сторону ее, но и между двумя совершенно различными этапами моей жизни.

Мерно укачивающий ход поезда располагает всегда к раздумью. Невольно поддаюсь этому, неписанному для всех пассажиров всего мира, закону и пробую восстановить в своей памяти главные вехи того пути, который судьба проложила между моими «вчера» и «завтра».

Начало войны Германии против Советского Союза застало меня в столице Югославии, Белграде, где я

находился в то время на положении профессионального журналиста и русского эмигранта.

Последнее обстоятельство может сразу же внести сомнение в душу читателя относительно сказанных мною выше слов об отсутствии у меня предвзятого отношения к большевизму.

Однако, для того чтобы между мною и читателем не было никакой недоговоренности, я должен сразу же рассеять это сомнение ссылкой на то обстоятельство, что когда 20 января 1920 года английский угольщик «Вотан», стоявший на одесском рейде, принял меня в свою неуютную утробу для того чтобы сделать из меня политического эмигранта, в моем ученическом билете значилось, что я был кадетом Киевского Кадетского Корпуса и имел двенадцать с половиной лет отроду.

Таким образом, в момент оставления мною родины, мое отношение к большевикам исчерпывалось лишь чувством благодарности за то, что они оторвали меня от скучной школьной парты и бросили на огромный английский корабль, который повезет меня не то в Турцию, не то в Африку, а может быть даже в самую Америку, родину Всадника без головы, Кожаного чулка и Ястребиного когтя.

То обстоятельство, что корабль привез меня не в Америку, а на Балканы и забросил в недра Боснии, в течение всех лет, отданных средней школе, не изменило моего отношения к большевизму, тем более, что боснийские минареты, фески и чадры, до некоторой степени вознаграждали за отсутствие майн-ридовской экзотики.

Позже — университет и затянувшийся на несколько лет жестокий поединок с жизнью за право занять в ней какое то место, тоже мало способствовали вдумчивому освоению того, что произошло на моей родине и выяснению собственной позиции в этом вопросе.

А еще позже, читая советскую и эмигрантскую литературу о революции и гражданской войне, а равно советские и эмигрантские газеты, отражавшие, каждые по своему, нынешнюю жизнь на родине, я одинаково

не верил полностью ни тем, ни другим, предполагая, что правда находится где то по середине.

Поединок с жизнью, окончившийся временной победой, вывел меня на дорогу журналиста. Но я никогда не работал ни в одной эмигрантской газете. Узость тем, затрагиваемых в них меня угнетала, а старые и непонятные счеты, сводимые на их страницах представителями потонувшего мира, действовали на меня отталкивающе. Еще меньше интересовали меня многочисленные эмигрантские организации и я никогда не состоял ни в одной из них.

Я был представителем того поколения русской эмиграции, которое выросло и сформировалось на чужбине. А это обстоятельство не могло не сказаться на нашем поколении. И оно сказалось по разному. Молодое эмигрантское поколение в общем делилось на три неравные по количеству группы. Первая группа, к чести нашего поколения самая малочисленная, состояла из тех, кто совершенно отрекся от всего русского и растворился в новой среде, стараясь сделаться хорошим французом, немцем или сербом. Вторая, более значительная группа, двинулась по старым проторенным политическим тропам, пытаясь установить на них какие то новые вехи и варилась в эмигрантском соку, внося немного оживления в унылую сутолоку серых будней. И, наконец, третья, самая многочисленная группа, состояла из тех, кто не забыл, что он русский, но и не пристал ни к одной из эмигрантских группировок, не веря чужому опыту, в столь важном жизненном решении, как определение своего отношения к происходящему на его родине.

Представители этой группы росли какими то дичками на пестром эмигрантском поле, бессознательно ожидая, какого то своего момента, когда они сами, без посторонней помощи, смогут занять ту или иную позицию к происходящему на их родине. И, если бы в этот момент, они убедились, что большевизм хорош и необходим русскому народу, то так же легко стали бы его искренними сторонниками, как убедившись в противном, сделались бы его заклятыми врагами.

Я принадлежал, именно, к этой третьей группе.

Этим, казалось бы могли быть исчерпаны сомнения и читателя и мои собственные. Но сегодня мне хочется быть придирчивым и педантичным. И я сам задаю себе вопрос, — а может быть, так называемая тоска по родине восстановила меня подсознательно против большевизма. Быть может, естественная тяга к родным местам и препятствие к этому в лице большевиков, уже автоматически должны были настроить меня против советского режима?

Тоже нет. Что такое, в сущности эта пресловутая тоска по родине, которая часто импонирует людям не имевшим случая испытать ее и из которой некоторым предприимчивым изгнанникам, иногда удается сделать довольно выгодную «профессию»?

Тоска по родине это, прежде всего болезнь. И при том болезнь душевная. И как всякая болезнь, а тем более болезнь душевная, она у каждого отдельного человека, принимает свои особенные и только данному человеку свойственные формы. У одних тоска по родине выражается в тоске по степным просторам Украины, у других по громадам кавказских гор, у третьих по родным оставшимся на родине, у четвертых по родному селу и, наконец, у пятых просто по той хорошей жизни, которой они жили у себя дома. А если жизнь эта была там тяжелая и безрадостная, а на чужбине им удалось устроиться значительно лучше, то таким людям тоска по родине бывает, подчас, и вообще незнакома. Я не раз встречал самых простых добротных русских людей, влачивших на родине тяжелую чернорабочую лямку, а за границей вдруг удачно расторговавшихся, разбогатевших, обзаведшихся домом, землей и семьей. Когда я их спрашивал — хочется ли им вернуться на родину, они обычно отвечали, что иногда очень и очень хочется — «эдак одним глазком заглянуть в свое село (или город) и посмотреть, что там делается.....» Мне было понятно их желание. Но это уже не тоска по родине, а просто любопытство.

Тоска по родине непременно у каждого человека имеет, что то свое, личное, конкретное или слагается

из нескольких таких личных и конкретных чувств. Отвлеченная же, какая то всеобъемлющая тоска по родине, встречается только у романистов никогда вынужденно не покидавших своей страны и взявшихся писать роман из жизни очередных, входящих в моду, политических изгнанников.

Когда я пробовал определить в чем заключается моя тоска по родине, то всегда на первый план у меня выступало чувство тоски по моей матери, оставшейся в Советском Союзе. А когда, в 1935 году маленький серый конверт, с лиловыми чернильными строчками, принес мне известие, что у меня больше матери нет, я в значительной степени излечился от душевной болезни именуемой тоской по родине. Излечился во всяком случае настолько, что чувство это даже подсознательно не могло влиять на мое отношение к политическому режиму, существовавшему на моей родине.

Но, повидимому, болезнь эта подвержена тем же законам, которые существуют и для других болезней души. А именно: — она может возобновиться при каком-нибудь внутреннем толчке, связанном с внешним потрясением.

Внешним потрясением, вызвавшим в свою очередь, какой то внутренний толчек во мне и было 22 июня 1941 года или, другими словами, начало войны между Германией и Советским Союзом.

С этого дня я лишился того относительного душевного покоя, который можно было иметь в городе недавно пережившем воздушные бомбардировки и оккупированном чужими войсками.

Я почувствовал, что вот теперь наступил тот момент, когда можно каким то путем пробраться на родину и, наконец, самому убедиться в том, что с ней произошло за эти долгие и смутные годы.

Это тем более, что если тоска по родине является величиной относительной, то любовь к родине и долг перед ней, представляют собой величины постоянные и определенные. Эти величины требовали немедленного решения и участия, в том или ином виде, в наступивших событиях. Мои мысли, как и мысли со-

тен тысяч русских людей, по эту сторону рубежа, естественно устремились на восток.

Путь на родину для русских эмигрантов в эту войну (как, впрочем и в прошлую) лежал, увы, через Берлин. А для русского журналиста путь этот лежал через единственную к этому времени русскую газету в Европе, берлинское «Новое Слово».

Спустя несколько дней после начала войны я получил от редакции этой газеты предложение — принять участие в ее работе и, в конце августа 1941 года, поезд уносит меня из Белграда в Берлин, на работу в редакцию «Нового Слова». Первый этап новой жизни для меня начался. Но уже тогда я думал только о той минуте, когда начнется и второй этап. А он начнется тогда, когда я буду подъезжать к бывшей границе Советского Союза.

И я не сомневался, что я добьюсь этого и дождусь этой минуты.

Вечерний сумрак давно уже поглотил поезд, гладко бегущий по равнине восточной Хорватии. Давно уже исчезли за поворотом и растаяли в наступившей темноте знакомые очертания Белграда. Но я все еще смотрю в ту точку горизонта, где в последний раз потерял его из вида. И мысленно прощаюсь с ним. С грустью и нежностью я прощаюсь с этим городом, где прошли четырнадцать лет моей жизни, где я был мостильщиком улиц и студентом, рабочим на фабрике и журналистом, грузчиком в речном порту и автором пьес, шедших на сцене государственных театров. Жестокие, какие то джеклондоновские годы моей жизни остались в этом городе, поглощенном сейчас далью и сумраком.

Почему же нежность при мыслях о нем и грусть от сознания долгой, повидимому, вечной разлуки с ним. Ответ на этот вопрос прост и не нов. В этом городе я оставил самое ценное, чем обладает каждый из нас на протяжении всего своего земного существования. Я оставил в нем свою молодость.

И еще одно. В этом солнечном и пыльном городе, простоватом и грубоватом, веселом и жизнерадостном,